

«День» — мир действительной жизни, «ночь» — мир ожидания жизни

Развивая мысль об «архаическом витализме», можно попытаться наметить путь построения иной, внутренне целостной, но практически не существующей в эксплицитном виде картины мира. Она имплицитна и для носителей, и для исследователей. Но она не «эзотерична», а «профанна», на первый взгляд, может быть, потому, что сама проблема «сакральности» вполне способна оказаться привнесенной. В то же время «профанное» проявления, суждения могут быть как раз выражением того, что система имплицитна для самих носителей и только в «профанной» (или в видимо «профанной») форме и вербализуется. Нельзя назвать и описать то, чего нет. Хотя по логике изложения «космогонического мифа бамбара» Ж. Дитерлен именно это и делает: называя «вещи», обнаруживает их в «пустоте» и «материализует» соединением с их «названием». Правда, приписывает это она не себе, а самому мифу. И многое бы решали тексты, понятия и их контексты. Но таковых, увы, так и нет.

Путеводной нитью по-прежнему остается языковой, фольклорный материал, общий контекст культуры бамбара и его овеществленные в музейных собраниях свидетельства.

Принцип «архаического витализма» можно переводить в разряд постулируемых основ всей отражающей системы бамбара, фундаментальных опор организации и регулирования жизненного процесса. Соответственно, он должен так или иначе преломляться в основных оперируемых обществом понятиях, составлять непреложную общественную ценность, что и подкрепляется всем ранее сказанным по поводу понятия «жизнь» и всей практики жизнеобеспечения у бамбара.

Так, не боясь в какой-то степени повториться, следует отметить специфическую трактовку понятий «день» и «ночь» у бамбара. Для нас это только части суток, светлое и темное время, и сопряжено это в первую очередь с понятием «время» (к тому же приравненному в абсурдном истолковании к понятию «деньги»). Лишь в определенной форме абстракции и перевода в образный ряд «время» сопрягается с «жизнью», что для нашей реальности лежит не в первом ряду ассоциаций. Иное дело для бамбара. Ранее уже было отмечено, что «день» как временная категория через понятие «дугу» ассоциируется у бамбара с пространственными категориями («мир», «обитаемое пространство»). Одновременно «день» не отделим в ментальности бамбара от

понятия «солнце» — «кле, тиле». И именно «солнце» и «земля, мир» («кле» и «дугу») в пространственно-временном единстве своего взаимодействия — светлой фазы суток — задают условия «жизни», собственно «людей». Потому что «ушедшие» или «пребывающие в инобытии» тоже «живут». Даже если глагол «жить» в данном случае и по-своему с понятием «жизнь» не сопрягается напрямую. Это уже как бы не «люди», но и не «не-люди». Это «покойники, предки», именуемые «суу». И время их активности, как бы «жизни» — «ночь», даже по форме артикуляции близкая к этим «неживым» (или «ино-живым») — «су». Локализация же и тех, и других для данного социума одинакова. Многих «ушедших» погребают в «блон» (хижинесвятылище «ду») либо поблизости от жилых построек этого же коллектива, где они и провели «светлую» часть «жизни». И для «живых», и для «ушедших» такая привязка выражается глаголом «к'и сиги», т.е. буквально «сидеть», «пребывать» -> «жить». Погребенными же оказываются только их «кости». С учетом же взглядов на «рождение» и «смерть» протяженность «жизни» не прерывается, ибо «смерть» есть переход, инициация, посвящение в «инобытие», в котором «ушедший» «сидит» в ожидании нового посвящения, новой инициации, нового перехода в «живые» — «рождения». Причем «рождение» это произойдет в настоящем, т.е. реальном и для нас — «живом мире» или «мире живых» (ср.: [Дозон 2005б: 131–134]). Причем в природном окружении предполагается та же модель взаимодействий, также ориентированная на непрерывность жизненного процесса (в чем-то созвучная православной молитве «о благообразовании воздушей»).

Мне представляется, что «жизнь» выступает у бамбара как высшая ценность. И пусть приведенные рассуждения невозможны для самого представителя этой культуры, они близки по соответствию тому имплицитно присутствующему мировосприятию, которое пытается познать наука. В любом случае они не противоречат ни принципу всесвязности, ни принципу всеединства мира, обеспечивая целеполагание мировоззренческой системы, т.е. непреложность поддержания «жизни».

«Субъект» действительности

Впрочем, в реализации этих предполагаемых взглядов, образов, ощущений мира и его императивов есть весьма важные особенности, напрямую связанные с понятием «жизнь» и носителями самой «жизни». Одной из этих особенностей в сознании бамбара выступает то,